

рост с пистолетом в руке. Маленькая, в этот момент она казалась великаном. «За родную землю! Вперед, товарищи!» — крикнула она и первая бросилась на пулемет. Тогда поднялись мы все. Удар для врага оказался неожиданным и сильным. Мы прорвались. Но ударил сбоку по нашим рядом еще пулемет. Шура упала. Пуля, попавшая в грудь, прошла навылет. Ее подхватили на руки товарищи. Она, теряя силы, слабым голосом говорила: «Не сдавайтесь, родные! Бейте гадов!». Мы несли ее по очереди. От фашистов мы ушли, но Шура ушла от нас, наша славная Шура. На ее могиле партизаны дали клятву бить фашистов без пощады. Мы сдержали данное слово». За мужество и отвагу, проявленную в борьбе с врагом, она посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени. В детском доме именем Шуры Шкуриновой была названа пионерская дружина. Много было их, наших детей, по всей стране. Это гордость и слава нашей Родины. Память о них никогда не исчезнет.

Встречаясь с бывшими учителями и воспитателями детского дома, мы всегда вспоминаем всех поименно, узнаем об их дальнейшей судьбе. Всю радость и все горести своих детей мы переживаем вместе с родными и близкими, вместе с воспитанниками, вместе со своим народом. Это единство помогло нам выстоять и победить в страшные годы фашизма. Благодаря этому мы живы до сих пор, и сломить нас не так просто!

В. Саранских

Пути-дороги Алексея Будыкина

Впервые Лешка Будыкин, пятнадцатилетний подросток, увидел фашистов в своем селе Лубошево Михайловского района (ныне Железногорского) осенью сорок первого: машины с ними въехали в центр села, и солдаты начали сгонять население к сельсовету. Назначив старосту и полицаев, немцы укатили, обложив село «продналогом», а вечером Лешка вместе с другом Ваней Полухиным ушел в партизанский отряд: ну не могли они мириться с новым «порядком»!

Только их не приняли: — Идите домой! Вы нам там нужнее будете!

А вскоре их встретил бывший председатель колхоза Полухин, ставший партизанским связным, и сказал так:

— В лес не ходите, на глаза немцам старайтесь не попадать, будете листовки распространять. Поняли?

Только недолго пришлось быть ему связным: немцы прознали о его связи с партизанами, и председатель вовремя ушел в отряд, его заменил директор местной школы Александр Петрович Плехин. И ребята продолжали действовать.

Так прошел целый год, а осенью 1942 года немцы решили отомстить непокорному селу: при поддержке танков и артиллерии они окружили его, согнали на селение на площади, выхватили из толпы около 50 стариков да подростков, допытывались, в каких домах живут партизанские семьи... Угодил в облаву и партизанский разведчик Павел Уткин. Каратели здесь же, на площади, заколотили его штыками. Остальных 50 погнали в Дмитровок Орловской области, где у них находился концлагерь. В том числе и Лешу Будыкина вместе с его другом Ваней Полухиным.

В концлагере над Лешей работала женщина в гестаповской форме, она била его плеткой по лицу и плечам, приговаривая:

— Я выбью из тебя сталинский дух!

Он часто видел, как людей здесь вешали и расстреливали, до сих пор ему снится это. Вскоре его и Ваню Полухина выпустили, ничего от них не добившись, да же не решились в Германию отправить, на них было страшно смотреть — кожа да кости...

Вернувшись в Лубошево, Леша узнал, что каратели сожгли их дом, забрали корову. Пятеро его меньших сестер и братьев с матерью жили в соседском подвале. Как они пережили зиму, даже вспоминать страшно: есть было нечего, одежды не было. Ночами часто украдкой плакала мама, молилась за мужа, старших сына и дочь, которые воевали в Красной Армии, и за шестерых младшеньких, живущих дома.

В феврале 43-го в Лубошево пришли наши. Мать с пятью детьми эвакуировали в Фатежский район. Лешка «прибился» к роте связи, его даже одели в красноармейское, и он водил бойцов по окрестным местам, зная их прекрасно, да только однажды попал под бомбежку, был контужен, посечен осколками. Через неделю в санчасть к нему зашла женщина — офицер:

— Мальчик, завтра зайдешь ко мне в штаб полка, мы пошлем тебя учиться!

— Я воевать хочу, — чуть не заплакал Леша. — Мне уже семнадцать лет.

Через два дня его одели в чистенькую форму без погон, дали сухой паек на десять суток и с попутной воинской машиной отпра —